

Пухарева Светлана Николаевна, педагог-организатор

ПФ ОГБПОУ «ТАК»

**Жить праведно... Угодник Божий - Монах Леонтий: из
воспоминаний очевидцев**

Мое повествование посвящено тайному монаху Леонтию. Основано оно на воспоминаниях очевидцев, которые общались с отцом Леонтием, или дедушкой Львом, как еще называли его односельчане, дети и верующие люди. Эти воспоминания собраны воедино неравнодушными верующими людьми, которые поделились с нами своими рукописями и фотографиями.

Многие люди, которые лично знали тайного монаха Леонтия, пострадали за веру. В период коллективизации территория Томской области, являвшейся тогда частью Сибирского, а затем Западно-Сибирского края, была предназначена для расселения и трудового перевоспитания «раскулаченных крестьян». Особо привлекательными в этом плане властям представлялись просторы Нарымского края, позднее официально именовавшегося Нарымским округом. В учетных документах писалось просто: «Выслать в Нарым». Ссылали сюда «кулаков» из деревень нынешней Новосибирской и Иркутской областей, Кузбасса, с Алтая, Кубани и Украины. Тысячные колонны с узлами, ребяташками и стариками в зимнее время сотни километров пешком шли от железнодорожной станции в Томске. Летом из Томска же спускались по рекам караваны битком набитых больших и малых барж. Таким же путем попал в Чаинский район и Леонтий Григорьевич Попов.

XX век принес человечеству глобальные социальные катастрофы и вошел в историю русской Православной Церкви как эпоха, принесшая неисчислимое множество страдальцев за веру Христову и святых мучеников. Смысл мученичества состоит в полном и конечном отвержении от себя ради любви Христовой. За 70-летний период многие тысячи православных – от церковных иерархов и до простых крестьян, живших в старом религиозном

укладе, подверглись жесточайшим репрессиям – были умерщвлены и попали в тюрьмы и лагеря за одно лишь упоминание имени Христа, за свободу совести.

Воспоминания о монахе его племянника Николая Дементьевича Попова

Попов Леонтий Григорьевич жил на Алтае в с. Шипуново. По сведениям архива он родился в 1872 году, но по рассказам племянника Николая в 1890 г. Из воспоминаний Анастасии Дегтяревой, прихожанки Воскресенской церкви села Тогур, после смерти монаха Льва люди приходили к нему на могилу, просили исцеления и получали его.

Из воспоминаний очевидцев складывается следующая линия событий из жизни монаха Льва. В первую мировую войну он был призван на фронт из г. Зеленогорска, в 1916 г. его комиссовали из за легкой формы эпилепсии. Родители его женили на украинке Аксинье против его желания, Аксинья любила другого и не хотела идти замуж за Леонтия. У них родилась дочь, через 2 года она умерла от тифа. После этого события жена от него ушла жить к родителям, хотя брак был венчанный. По прошествии многих лет Леонтий просил передать Аксинье, что хотел бы снова жить с ней в браке, потому что грех жить в отдалении друг от друга, будучи в венчанном браке. Аксинья ответила отказом и успокоила, что она не грешит и молится Богу. В ее доме много икон, и она живет как монахиня в келье.

После ухода Аксиньи, от нервного потрясения Леонтий онемел, но все слышал. Через год он совершил паломничество в Киево-Печерскую Лавру, на это ушло 2,5 года. Пришел в Лавру уже когда закончилась Гражданская война. Он решил исповедоваться, сел в углу мужского монастыря, взял бумагу и стал писать все свои грехи, так как говорить он не мог. Вдруг кто-то положил руку то ли на руку, то ли на голову и сказал: «Ничего писать не надо. Я и так знаю, что у тебя. Вот такой тебе обет: 40 дней молись, не выходя из монастыря, а потом пойдешь к причастию». Леонтий денно и

ночно молился 40 дней, на 40- день причастился и заговорил. Так он и дал обет молиться Богу, вернулся на Алтай и стал много молиться.

В 30-х годах всю их семью раскулачили и сослали в Чаинский район в с. Нижняя Тига. Через год семью привезли в с. Татаринск, выбросили на снег и сказали: «Живите, как хотите». Леонтий сделал себе отдельную землянку на огороде брата Дементия, в ней сложил глинобитную печь, поставил 2 чурбака, один, который побольше, служил аналоем, который поменьше – подсвечником, сделал деревянный иконостас с прикрепленными иконами, наверху крест, икон у Леонтия было много.

Леонтий принципиально нигде не работал. Его притесняли работники Гришкинской комендатуры, пытались арестовать как тунеядца, заставляли снять иконы, но решили, что он малахольный, «дурачок», и оставили в покое.

У Леонтия был свой маленький огород, на котором он выращивал рожь, пшеницу и немного овощей. На лошади не позволял его пахать, копал вручную. Только когда уже состарился, соседи ему пахали огород на лошади. Соблюдал он все церковные праздники, в эти дни он не работал. Отапливал свою землянку дровами, заготавливал в лесу и возил их на саночках. Вскоре Леонтий решил построить себе избушку, стал на тех же санках возить лес, потом соседские мужики уговорили его привезти лес на лошади, так как трактор Леонтий категорически отвергал.

На огороде брата поставил шалаш, который стал часовней. Леонтий молился днем и ночью, ходил ежедневно в часовню и там тоже молился. Из одежды на нем был шабур – халат из грубого холста. Люди давали ему одежду, а он им отвечал, что он «большой грешник, и что ему никогда не отмолить того, что дают ему люди, что ему придется на том свете отвечать за это». Сбоку в его жилище были нары, на них он хранил свои скудные запасы. На церковные праздники к нему приходили люди, в основном женщины, приходили с опаской, за это власти могли арестовать их. Леонтий святил воду, крестил, но не причащал, по сану не положено было ему. Молились много.

Зимой Леонтий ходил по деревням пешком до Варгатера, Бундюра, Кинзяка. Когда его догоняли на лошади или на машине, предлагали подвезти, он всегда отказывался. Одет он был в шабур и фуфайку, на голове что то похожее на шапку, на ногах кое-какие валенки, и котомка. Так он ходил от деревни к деревне, а через 2-3 недели возвращался. На причастие в церковь с. Тогур тоже ходил пешком.

Перед Великой Отечественной войны налоговики пришли требовать налог: «Живешь на советской земле – плати налог», но увидев, что брать с него нечего, ушли.

Леонтий жил как монах, фотографировать себя не разрешал, считал это бесовским делом, поэтому сохранилось только одно фото.

Верующие люди почитали его за прозорливца и Святого человека. Его ждали, он приходил в какую-либо деревню, бабушки собирались и молились.

У Николая Дементьевича до сих пор хранятся две иконы, оставшиеся от монаха Льва. Рамочки сделаны очень гладко своими руками и покрыты коричнево - красной краской. Сам Николай Дементьевич глубоко верующий человек.

Александр Гаврилович Иванников, житель с. Гришкино, рассказывал, что Леонтий всегда предупреждал его, куда и зачем он идет, в какую деревню. Он так же сказал, что старцу Леонтию было откровение, что он проживет 103 года. На вопрос «зачем так долго» отвечал, чтобы поразмыслить над тем, что он в своей жизни сделал полезного для людей.

Воспоминания Швецовы Екатерины Афанасьевны

Екатерине Афанасьевне было 12 лет, когда старец Леонтий пришел к ним домой в с. Варгатер, одетый в длинный холщовый зипун, типа халата, на пуговицах, подпоясан тонкой веревкой. Бородка реденькая, худой, скромный, малоразговорчивый. Разговаривал Леонтий какими-то предсказаниями. Отец Екатерины Афанасьевны ушел из семьи. Как-то

Леонтий сидел за столом с матерью девочки, Пелагеей Никифоровной, и говорит: «Муженек-то вернется, так ты его прими», а сам все кусочек подкладывает, и так три раза. Вскоре отец вернулся в семью.

Екатерина Афанасьевна рассказывала, что Леонтий ел совсем мало, очень скудно, был стареньким, слабым, худым и очень добрым. Он вел службу в с. Варгатер, когда уставал читать молитвы, читали бабушки. Пелагея Никифоровна называла его «Старец Лев». Бабушки всегда знали, что в деревню пришел монах Лев, собирались вечерами в одном из домов и усердно молились. Пелагея Никифоровна часто прятала у себя дома верующих путников, скитальцев, приходивших в их село, давала им пищу и кров. Власти того времени могли арестовать за это, поэтому все делалось втайне.

Воспоминания Попова Ивана Александровича, однофамильца отца Льва

«Не могу без стыда вспомнить споры с дедом Леонтием о происхождении жизни на Земле. Все мы в то время были комсомольцами, максималистами, дарвинистами, хотя и числились в реестрах НКВД «кулацким отродьем». В спорах побеждала горячность, молодость. Он не обижался. Всегда ласково называл меня «Ванюшка».

Иван Александрович вспоминает, что деревенская детвора частенько заглядывала к дедушке Льву. Он угощал просфорами, которые выпекал сам, и конфетами-подушечками. Человек он был безобидный, сильно молящийся. Ходили к нему на моление одни старушки. Ходила к нему и глубоко верующая бабушка Ивана Александровича, Василиса Осиповна. Входя в дом к людям, Леонтий крестился, клал земные поклоны, затем вкрадчиво заводил разговор.

В деревне отца Льва звали блаженным. Большого скопления людей избегал, мог пробежать трусцой по деревне, не обращая внимания на прохожих. Был он небольшого роста, худощав, неопределенного возраста,

серовато-соломенного цвета волосы, завязанные на затылке в пучок, борода рыжеватая, реденькая, глаза цвета мутной воды, серо-голубые, глубоко посаженные, нос небольшой, на кончике светлый пушок волос. Выражение лица кроткое, с едва уловимой лукавинкой.

Воспоминания Феоктисты Никифоровны Рябчиковой

Жили в Гришкино, мать, Наталья Степановна, умерла, когда ей было 94 года. Монаха Льва мать звала «батька Леонтий». Он приходил в праздные дни, на Пасху. От него шло что то духовное, необъяснимое. Уже подходя к сеням, молился, нанося крест, мать сразу зажигала свечи и начинали молиться. Мать считала батьку Леонтия знающим Священное писание и очень верующим. Отец Лев не интересовался ничем земным, говорил только о Божьем, духовном. Носил с собой немного старых потертых книг, в разговоре всегда опирался на Библию. Наталья Степановна спрашивала монаха о четырех конях из Библии. «Батька Лев» отвечал, что белый конь – это сила Господня, рыжий конь – конь войны, черный конь – это злоба, бледный конь – символ смерти.

Феоктиста Никифоровна вспоминает, что не было больше в ее жизни человека, от которого веяло бы такой чистотой, как отец Леонтий. После трапезы он каждую крошку хлеба собирал, съест ее и говорит, что это тело Христово, как причастие. По улице шел всегда наклонившись, по сторонам не смотрел, все время думал о Боге. Был воистину святым, недоступным для других, ходил и общался только с верующими людьми, молился с ними вместе. Когда отец Леонтий умер, люди очень горевали.

Воспоминания Шипулина Алексея

Отец Леонтий приходил в село Варгатер на престольный праздник Николая Угодника, неся на плече котомку с кирпичами, старался идти не по дороге, а вброд по колено в снегу. Как то Алексей с извозчиком везли

продукты и растеряли пряники, Алексей собрал эти пряники. Извозчик должен был Алексею денег, поэтому пряники Алексей не отдал и хотел угостить Леонтия, на что старец ответил: «Ворованное не ем». Алексей потом удивлялся, откуда Леонтий узнал про пряники. Отец Леонтий всегда говорил: «Надо жить так, чтобы душа была спокойна».

Воспоминания Гущиной Зинаиды Ильиничны

Семью Зинаиды Ильиничны выслали с Алтая в 1931 году, там они проживали в деревне Ново-Егорьевка. Мать, Клавдия Дмитриевна, пела в церкви, отец, Илья Иванович, был псаломщиком, его забрали прямо из церкви и больше его никто не видел.

Сама Зинаида Ильинична, проживая в Чаинском районе в деревне Верхнее Добро, в школе была слаба здоровьем, после школы не знала, куда пойти учиться, поэтому ее мать повела к Леонтию за благословением. Вспоминая дедушку Леонтия, Зинаида Ильинична рассказывает, что домик у старца был рубленый, маленький, неоштукатуренный. Он сварил очень вкусный постный суп, накормил их с матерью. Жил он во дворе его брата Демьяна. Дом у брата был большой. Леонтий дал ведро Зинаиде Ильиничне и попросил сходить за водой на «журавль». Она пошла. Из дома брата вышла женщина, Меланья, жена брата Дементия, и говорит: «Ты куда? За водой?» Зинаида Ильинична ответила положительно. Женщина сказала: «Зачем туда? Здесь вот колодец, в огороде», и ушла.

Зинаида Ильинична ходила долго кругами, а колодец так и не нашла. Леонтий вышел и говорит: «Ты куда пошла? Я же тебе другое место показал. Вот так и в жизни ходите, ходите кругами не по той дороге, а куда случайные люди подскажут». После его слов она пошла в ту сторону, которую указал дедушка Леонтий, легко нашла «журавль» и набрала полное ведро воды.

Зинаида Ильинична вспоминает, что благословил ее старец в фармацевтическое училище в г. Томск, в которое она поступила, закончила и всю жизнь проработала в аптеке, дойдя до должности заведующей.

Впечатления о дедушке Леонтии у Зинаиды Ильиничны остались положительные, он говорил притчами, но она их не помнит, она считает старца истинно святым человеком. Предсказания его помнит о том, что люди ходят кругами, не по тому пути, а куда случайные люди подскажут. Ходила и она вот так же кругами, пока не вышла на свою дорогу.

Воспоминания Малышевой Ольги Ильиничны

Родилась Ольга Ильинична в с. Гришкино Чаинского района. О детстве своем говорит как о «золотом», хорошем. Пока родители были на работе с утра до вечера, дети оставались с бабушкой и дедушкой, родителями отца, которые были очень религиозными людьми. Дедушка по линии матери был священником, его арестовали, и больше его никто не видел.

В семье строго соблюдали религиозные праздники, в их доме собирались старушки и дедушки для моления. Ольга Ильинична с братом забирались на русскую печь и оттуда тихо выглядывали. Бабушка говорила: «Тихо, ребятишки, идет Левонтий». Дверь тихо открывалась, заходил маленький худенький дедушка в холщовом длинном зипуне. Сразу все стихало. У бабушки в красном углу было много икон. Леонтий сразу проходил к ним, молился. За ним стали молиться и все остальные. Молились долго, потом пили чай с ватрушками с картошкой, ели вареную картошку, чай пили с шиповником и листьями смородины. Молитвы дедушка Леонтий знал наизусть, в книги не заглядывал.

На молениях было очень тихо, вспоминает Ольга Ильинична. Дети от пения молитв благоговели. Левонтия все очень уважали. А бабушку впоследствии посадили в комендатуру за такие «сборы». Там она много молилась, продержали ее трое суток без воды и еды. И только потому, что ее сын, Илья, был фронтовик и вернулся с войны без стопы, по его просьбе ее отпустили.

Воспоминания Комбарова Николая Георгиевича

Николай Георгиевич в 60-е годы прошлого века работал на лесовозе, ездил через Татаринск на лесоповал в деревню Фокино. Дедушку Леонтия он встречал на дороге, Леонтий всегда отказывался сесть в машину, ходил только пешком. Николай Георгиевич вспоминает, что мужики срубили домик для Леонтия. После смерти дедушки домик перевезли в Фокино и отдали под кухню для детского сада. Позже, какой-то житель села Гришкино купил этот домик, перевез в свое село и сохранил его для истории.

Воспоминания Курниковой Параскевы Ивановны

Параскева Ивановна, жительница села Подгорного вспоминает, как отец Леонтий подошел к ее знакомой женщине по имени Анна и сказал: «Давай простимся, Аннушка, мы уже старые и больше не увидимся». Через некоторое время она умерла. Аннушка, предположительно по фамилии Потапкина, жительница села Веселое, считалась в молодости блудницей, но позже она раздала все свои нажитые вещи, взяла на себя подвиг мученичества, ходила только пешком, носила на теле волосяной пояс и много молилась.

Параскева Ивановна рассказывает, что Леонтий считал работу по праздникам большим грехом. Как то на Благовещение их семья кидала навоз, а Леонтий позже их пожурил за это, удивлялись потом, как он узнал об этом, ведь жили то далеко от дома Леонтия. Люди считали старца провидцем. Много из того, что он предвидел и предсказывал, сбывалось.

Попов Леонтий Григорьевич прожил праведную жизнь. Он искренне верил в Бога, нес частицу своего тепла людям, никому не творил зла. Из рассказов очевидцев можно сделать вывод, что вся жизнь старца Льва прошла в муках и насмешках. Его можно по праву назвать мучеником. Мученичество за веру в христианстве понимается как вершина духовного роста человека. Дух Леонтия Григорьевича не сломала ни власть, ни гонения,

ни суровый сибирский климат, ни убогие бытовые условия, ни насмешки и издевки окружающих его людей (не все принимали его душой, многие отвергали, считали малохольным, тунеядцем, не уважали). Но он продолжал молиться.

Похоронен Леонтий в Чаинском районе в деревне Татаринск, которой уже нет, за его могилой ухаживают верующие люди. И пусть воспоминания людей о Леонтии немного расходятся в мелочах, но все, кто его знали, говорят об одном – Леонтий был глубоко верующим человеком, пронесшим свою веру через всю свою жизнь, отрекшись от земных благостей.

«Христианская жизнь требует от верующего постоянной работы над собой, решительного изменения его душевно-телесного естества - отречения от телесных грехов, отказа от себялюбия и победы над гордостью. Изгоняя телесные и душевные грехи, христианин учится жить праведно и старается бескорыстно творить людям добро, уподобляясь Богу и обретая путь спасения, ведущий в Царство Небесное»[3].

Отец Лев свято верил в Бога, в его всемогущество, в его любовь (к людям – его детям), в его справедливость, в его абсолютные силу, мудрость и доброту. Для него не было силы в этом мире выше Бога, он чувствовал его в своём сердце. Вера в Бога охватила всю его жизнь, и прожил он эту жизнь достойно в соответствии с духовными законами. Великий духом он был человек.

Список использованных источников

1. Архивные справки из Муниципального архива Администрации Чаинского района
2. Рукописные тексты, предоставленные работниками Храма Рождества Христова с. Подгорного.
3. <https://topwar.ru/139170-postradavshie-za-veru-chast-pervaya.html>
4. <https://religiya.temaretik.com/1515263672547543521/monah-leontij-i-ego-tajnyj-podvig/>
5. http://www.dmitri-andreev-vet.ortox.ru/kniga_%C2%ABblagaja_vest%C2%BB/view/id/1108064